Научная статья
УДК 81'1+83.001
ББК 81.055.52
Н 58

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-36-43

Образ и языковая личность юриста в художественной прозе Т. Драйзера

(Рецензирована)

Юрий Петрович Нечай[1], Надежда Олеговна Линке[2]
[1,2]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
[1]nechay_ur@mail.ru, [2]linke16@list.ru

Аннотация:

В статье раскрываются механизмы формирования и описания образов и языковой личности юристов, судей, присяжных заседателей в художественной прозе Т. Драйзера. Особый акцент делается на их внешности, манере поведения, одежде и на производимом ими впечатлении на окружающих. Для изменения психологического состояния человека, его мышления, мнения или решения служители Фемиды пользуются в романах многими методами воздействия, в том числе запугиванием, ложью, жестким речевым поведением и другими. Авторы делают вывод о том, что при описании внешнего вида и языковой личности представителей закона автор использует самые разнообразные лексические и стилистические средства экспрессии.

Ключевые слова: художественная проза, положительная и отрицательная оценки, блюститель закона, юрист, речевое воздействие, мораль, добродетель.

Original Research Paper

The image and linguistic personality of a Lawyer in T. Dreiser's Fiction

Yuri P. Nechay[1], Nadezhda O. Linke
[1,2]Kuban State University, Krasnodar, Russia,
[1]nechay_ur@mail.ru, [2]linke16@list.ru

Abstract:

The paper reveals the mechanisms of formation and description of images and linguistic personality of lawyers, judges, jurors in T. Dreiser's fiction. Special emphasis is placed on their appearance, demeanor, clothing and the impression they make on others. To change the psychological state of a person, his thinking, opinion or decision, the servants of Themis use many methods of influence in novels, including intimidation, lies, harsh speech behavior and others. The authors conclude that when describing the appearance and linguistic personality of representatives of the law, the author uses a wide variety of lexical and stylistic means of expression.

Keywords: fiction, positive and negative assessments, guardian of the law, lawyer, speech influence, morality, virtue

Введение.

Специфика языка художественной прозы Теодора Драйзера обусловлена необычным материалом, взятым из повседневной реальной жизни. Писатель, один из тех, кого с гордостью называют «совестью Америки», сумел увидеть, осмыслить и синтезировать происходящие перемены в своей стране и правдиво представить в своих романах истинную правду о монополиях, биржевых спекуляциях, бурном техническом прогрессе, заоблачных богатствах правящего сословия и жалком существовании простых трудящихся. В художественных полотнах писатель выделяет представителей закона особыми красками служителей Фемиды, слуг правосудия, многочисленных юристов, судей, присяжных заседателей, наделяя их широким спектром характеристик. Цель работы заключается в рассмотрении своеобразия области юриспруденции в лингвокультурологическом плане.

Материалы и методы.

Иллюстративным материалом послужили тексты русских переводов романов «Американская трагедия», «Финансист» и «Стоик».

Обработка текстового материала потребовала использования комплексной методики, в состав которой входили компонентный, контекстуальный и текстологический виды анализа. В качестве предмета исследования выбраны слова и словосочетания, а также контексты, характеризующие сферу юриспруденции в романах писателя.

Результаты и исследования.

Сопоставительный анализ содержания понятий «художественный образ» и «языковая личность персонажа» неоднозначны. Первое предполагает, как известно, широкое присутствие в нем речевых и литературных образов. Второе же представлено более узко и предполагает совокупность реализованных определенным лицом текстов и контекстов авторского повествования, характеризующих речевую манеру его высказывания [1].

Термин «языковая личность» впервые появляется в Германии (1927) в работе Л. Вайсберга «Muttersprache und Geistesbildung» / «Родной язык и формирование духа», в которой отмечается, что любой человек владеет данным инструментом вследствие своей принадлежности к определённому языковому сообществу.

Термин «языковая личность» сформировался благодаря заслугам Е.Д. Поливанова, как известно, на базе двух наук: литературоведения и психологии. Обосновал же данное понятие в отечественной лингвистике В.В. Виноградов, хотя само понятие «языковая личность», в его работах выступает в виде *образа автора* [2]. Наибольшее признание в лингвистических кругах получило определение языковой личности, изложенное Ю.Н. Карауловым в энциклопедии «Русский язык»: «Любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [3: 671].

Раскрывая образы служителей закона, Т. Драйзер делает особый акцент на их внешности, манерах поведения, одежде и на производимое ими впечатление на окружающих. Для этого он использует целый комплекс художественных средств, в том числе монологи, позволяющие раскрывать внутреннее состояние героев, диалоги, присутствие которых эксплицирует особенности их внутреннего мира и др. Например, в романе «Стоик» адвокат Э. Джонсон, вышедший из простого бедного сословия, в обращениях с окружающими держался важно и внушительно (Т. Драйзер «Стоик», 1980). Такое поведение формирует

не только у самого писателя, но и у большинства читателей, отрицательное, даже презрительное к нему отношение. Поскольку такого рода качества, как манера поведения, внешний вид, осанка всегда выступают обязательной составной частью имиджа любого юриста, то при всех этих условиях он может завоевать популярность среди окружающих.

Поэтому каждый начинающий юрист, приступая к своей деятельности, вынужден вольно или невольно, тщательно продумывать и доводить эти качества до автоматизма. В качестве наглядного примера в данном случае может быть Белнеп, адвокат, умевший *держаться так, что все окружающие уважали его* (Т. Драйзер. «Американская трагедия», 1979). Тем не менее, писатель представляет нам и много картин, в которых имидж юриста используется в качестве негативного средства, удерживающего людей на расстоянии, способствующего их смирению и последующему подчинению, например: *В таком случае, – Мейсон выпрямился, приняв грозный инквизиторский вид, – вы, должно быть, станете отрицать и свое знакомство с Робертой Олден – с девушкой, которую вы повезли на Луговое озеро...?* (Т.Драйзер. «Американская трагедия», 1979). В данном примере имидж представителя Фемиды является одним из элементов коммуникативной стратегии, средством сознательной демонстрации окружающим своей значимости. Интересен и тот факт, что не всегда и не все юристы у писателя рассматривают красивую, добротную одежду в качестве составной части своего имиджа. Особенно это характерно для представителей из провинций, в одежде которых наблюдаются некоторые крайности: *Сказав это, он* (следователь Хейт – Н.Л.) *начал рыться в правом кармане своего изрядно* ***поношенного и мешковатого пиджака*** (Т. Драйзер, «Американская трагедия», 1979). Нельзя не заметить, что абсолютно разные манеры в одежде и ее ношении не оказывают особого влияния на судебный процесс, профессиональное мастерство юристов и присутствующую публику, а являются лишь индивидуальной особенностью. Представляя облик юриста, оценка писателя характеризует не профессиональную деятельность, а формирует у читателя через восприятие образа отношение к персонажу: *А в это время в тюремной приемной сидят Элвин Белнеп и Рубен Джефсон и с ними Клайд, облаченный в тот самый костюм, который он пытался навсегда схоронить в водах Двенадцатого озера. При этом на Клайде новый галстук, новая сорочка и новые башмаки, – все для того, чтобы он предстал на суде в своем лучшем виде, таким, каким он был в Ликурге. Рядом Джефсон – длинный и тощий и, по обыкновению, одетый кое-как, но с той железной силой, сквозящей в каждой черточке лица, в каждом движении, в каждом взгляде, которая всегда так поражала Клайда. Белнеп наряден, как первый франт из Олбани...* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

В прозе Т. Драйзера имеют место также примеры сравнения служителей Фемиды с животными и предметами: *Мейсон чувствовал себя как неугомонная гончая, рвущаяся в погоню за зайцем, как борзая, которая вот сейчас, последним прыжком, настигнет свою добычу* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979). *Среди присяжных преобладает та мелкая и средняя рыбешка* ... (Т. Драйзер «Финансист», 1986). Продолжая сопоставлять служителей закона с миром фауны, автор выносит на первый план постоянное присутствие у них таких отрицательных качеств, как упрямство, безжалостность, безразличие и пассивность, презрительность и другие, демонстрируя, таким образом, эксплицитно или имплицитно личную к ним неприязнь. Автор прибегает к использованию тропов, позволяющих обрамлять положительную

или отрицательную оценки красочной палитрой и имплицитно закладывать коннотацию, которая реализуется затем непосредственно в самом контексте: ... *секретарь суда – маленький человечек, чахлый, с бескровным лицом, бесцветными, как разбавленное молоко, глазами, с жидкими волосёнками и бородкой цвета свиного сала, похожий на американизированного и дряхлого китайского мандарина* (Т. Драйзер «Финансист», 1986).

Достаточно ярко и правдиво изображены в художественных текстах писателя и многие индивидуальные качества «блюстителей закона», их образ мышления, свойственные им привычки, внутренние устремления и наклонности. Перед глазами читателя предстают удивительные образы блюстителей закона самого разного возраста и статуса с присущими им положительными и отрицательными чертами. Нельзя не отметить при этом и тот факт, что акцентирование внимания на чертах типа жадность, корыстолюбие, карьеризм, неспособность к состраданию, изворотливость, трудно соотносимых с понятиями высокой общечеловеческой морали и нравственности, добродетели, писателю необходимо для представления профессиональных образов этих юристов. Наглядным примером может служить образ Джонсона в романе «Стоик»: *Он* (Джеркинс – Н.Л.) *уже успел очень внимательно оглядеть Джонсона и решил про себя, что разговор с этим типом – дело нелегкое. Хитрая бестия этот Джонсон, сразу видно* (Т. Драйзер «Стоик», 1990). Частое присутствие и работа в окружении таких юристов, вольно или невольно, способствуют формированию особой манеры поведения, т.е. быть часто неискренним, проявлять постоянное недоверие и настороженность, а также видеть в других лицах «подставных» людей: *В качестве юрисконсульта обеих компаний я должен быть весьма и весьма осторожен, ибо в моем двойственном положении_необходимо взвешивать каждый шаг, и неизвестно, как это все может для меня обернуться* (Т. Драйзер «Стоик», 1990). Автор не обходит стороной и положительные стороны служителей закона, отмечая такие черты, как ум, проницательность, настойчивость, высокая работоспособность, стремление к достижению поставленной цели, усердие, энергичность, осторожность: *Но Мейсон! Какой он упрямый! Какой энергичный! Сколько труда он должен был положить, чтобы собрать сюда всех этих людей* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

Будучи тонким психологом и реалистом, писатель достаточно широко рефлектирует в своей прозе добрые чувства и положительные черты, которые присущи значительному числу людей, в том числе и многим юристам: *Джонсон не проявлял никакой мелочности в денежных делах. Он щедро жертвовал на церкви, воскресные школы, больницы и деятельно опекал дом призрения для слепых в Саутворке, где он был одним из директоров и бесплатным юрисконсультом* (Т. Драйзер «Стоик», 1990). Тем не менее, не все служители закона в его романах проявляют свое сострадание повсюду и бескорыстно. Есть и такие, которые совершают его лишь в случаях, когда их собственные интересы полностью удовлетворены, например, в романе «Американская трагедия» уважаемые адвокаты, поняв, что заработанная одной из героинь сумма в тысячу сто долларов перейдет в их карман, в порыве человеколюбия советуют ей ехать к мужу.

В содержании своих романов Т. Драйзер, излагая жизненные устои всех слоев населения, стараясь донести до читателя события и характер своих героев, стремится разобраться также как в причинах каждого поступка, так и в мировоззрении персонажа, совершившего его: *Джонсон, весьма влиятельный компаньон [адвокатской] фирмы, успешно продвигавшийся*

на финансовом поприще, был прежде всего человек ***практический****. [...]. В его чрезвычайно запутанном и странном представлении о мире уживались самые противоречивые и даже, казалось бы, несовместимые понятия. [...] Это мировоззрение поддерживало в нем самые нетерпимые религиозные настроения, которые иной раз доходили до* ***ханжества****. [...]. Выходец из низов, из среды обездоленных и униженных, Джонсон всю жизнь* ***стремился пробраться поближе к верхушке****, где если не он, так его дети [...] обретут незыблемое благополучие, как и те люди, которыми он* ***восхищался, но которых в то же время и порицал****. Для себя он мечтал не более и не менее, как о титуле. [...]. Поэтому он инстинктивно направлял свою* ***деятельность на благо и процветание этой привилегированной верхушки*** (Т. Драйзер «Стоик», 1990). В приведенном примере Джонсон не является исключением из сословия американских юристов конца XIX и начала XX веков. В описании его образа писатель поясняет движущие им мотивы, которые заключаются в «подыгрывании» богатой верхушке и желании «влиться» потом в ее ряды. Вышесказанное свидетельствует о том, что речь выступлений судей, адвокатов, прокуроров и других служителей Фемиды может служить незаменимым источником для диагностирования их индивидуальных личностных качеств, поскольку она, являясь важным средством выражения мысли человека, заключает в себе достаточно объемный психодиагностический потенциал, позволяющий получить определенную информацию о ее продуценте. Тем самым очевидным становится тот факт, что языковой материал может быть использован для всестороннего изучения культурных, нравственно-этических, психологических, правовых и других особенностей носителей языка [4].

Взаимодействие людей способствует обмену в той или иной форме информацией. С помощью правильно построенной речи появляется возможность быстрого и качественного внушения субъекту нужных мыслей и побуждения его к совершению определенных действий. Под речевым воздействием или манипуляцией мы склонны понимать речевое общение в пределах его целевой направленности и обоснованности.

В. Е. Чернявская в своей работе «Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия» высказывает мнение, что речевая манипуляция представляет собой речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как латентное внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения [5], которые могут и не совпадать намерениями адресата.

Сам термин «манипуляция» имеет латинские корни, *manipulus* означает – «горсть», «пучок» и тесно взаимосвязан со словами *manus* – «рука», *pleo* – «наполнять» [6: 57]. Изначальный его смысл – «манипуляция» трактовался как умелая манипуляция руками при демонстрации фокусов или игре в карты, а по истечении некоторого времени уже и как способ воздействия на психику человека. Нельзя не отметить, что рассмотрение этого понятия имеет место и в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов с самыми различными трактовками:

– «скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества» [3: 3];

– средство социального контроля и управления [7];

– «игра на особенностях человеческой природы и человеческих слабостях, которые обеспечивают

«коммуникативную слепоту» реципиента, делают его пассивно-послушным в признании правоты коммуникатора» [1: 125].

Целый ряд подходов к его определению свидетельствует о том, что в одних из них подчеркивается латентный ненасильственный характер воздействия, в других внимание заостряется на превосходстве манипулятора, в-третьих же во главу угла ставится расхождение между исходными и внушаемыми намерениями. Такое множество представлений объясняется отсутствием как в психологии, так и лингвистике его основательного исследования. И в художественной прозе Т. Драйзера мы отмечаем значительное количество приемов манипулятивного воздействия:

– запугивание*: Пожалуй, всего лучше* ***припугнуть*** *их немножко, сказать им, что, если они рассчитывают иметь дело с ним или с кем бы то ни было, кто может заинтересовать Каупервуда, пусть помалкивают, чтобы это никуда не просочилось, и предоставят пока что действовать ему, Джонсону* (Т. Драйзер «Стоик», 1990).

– создание высокого мнения о себе в глазах окружающих: *Выждав дня три, что, по мнению Джонсона, было необходимо для* ***поддержания престижа, дабы произвести впечатление*** *на этих маклеров* ... (Т. Драйзер «Стоик», 1990).

– ложь: *И в то же время он устало думал, что лучше, пожалуй, вовсе и не пробовать использовать рассказ Клайда, а* ***сочинить что-нибудь другое,*** *какой-то измененный и смягченный вариант, который кажется не таким жестоким и будет в глазах закона не столь близок к убийству* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

– гипнотическое воздействие, внушение: *Помните, что* ***вы не виновны, и не смотрите как виноватый.*** *Не* ***сидите с таким видом,*** *будто вы потеряли последнего друга, –* ***ничего такого не случилось. С вами я и мой коллега*** *– мистер Джефсон* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

– запутывание: *Черт побери, а ведь он крадет мои громы и молнии! – подумал тут Мейсон. – Он перехватил большую часть вопросов, которыми я* ***рассчитывал запутать*** *Грифитса* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979). В текстах романа в служителе Фемиды читатель видит не только сильную языковую личность, но и представителя элитарной речевой культуры. Подчеркивая этот факт, автор как раз и акцентирует внимание читателя на специфике речи юристов, в том числе на:

– наличии ораторских способностей: *Искреннее, хотя и внезапное волнение, а также присутствие потрясенных слушателей привело к тому, что* ***ораторский талант*** *мистера Мейсона проявился во всей свой силе и великолепии* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

– употреблении эвфемизмов: До этой поездки, до вторника, она провела месяц дома, – была ***больна*** (Мейсон сделал ударение на этом слове) (Т. Драйзер. «Американская трагедия», 1979).

– лексические и синтаксические повторы / риторические фигуры, направленные на усиление впечатления и давление на слушателей: Народ штата Нью-Йорк обвиняет... сидящего здесь на скамье подсудимых Клайда Грифитса в том, что он совершил убийство с заранее обдуманным намерением. ***Народ обвиняет*** его в том, что... ***Народ обвиняет*** названного Клайда Грифитса... (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

– особое интонирование и звучность голоса*: Но кто этот субъект, – вдруг* ***самым трагическим тоном воскликнул*** *Мейсон, – которому я предъявляю все эти обвинения?* (Т. Драйзер «Американская трагедия», 1979).

Обсуждение.

Для глубокого понимания текстов художественной прозы Т. Драйзера, а также излагаемых в ней

событий и фактов читателю необходимо обладать определенным запасом интеллектуальных и энциклопедических знаний из области своей и американской культуры. Анализ текстов романов позволяет отметить и тот факт, что иногда довольно трудно отграничить личность автора от его героев, поскольку широкие художественные полотна часто реализуются несобственно-прямой речью. Своеобразие же писательского мастерства видится в том, что он представляет на страницах романов правящие силы Америки, которые преследуют только свои корыстные цели, способствуя духовному растлению народа. Действия такого рода игнорируют многие сформированные веками ценности и направлены исключительно на личное обогащение. Истинная суть западной культуры и общества находит свою реализацию и в языковом тезаурусе художественных полотен, связанных с юриспруденцией, в котором сравнения, метафоры, метонимии и другие средства изначально несут в себе отрицательную коннотацию. Усилия Т. Драйзера наделить американских представителей Фемиды положительными чертами, претерпевают неудачу. Поэтому писатель вольно или невольно приходит к заключению, что эти качества проявляются у них не бескорыстно, а лишь в случае удовлетворения их собственных интересов. По всей вероятности, плутовство и казуистика в сознании правящей элиты американцев конца XIX – начала XX веков считались нормой жизни.

Заключение.

Таким образом, наличие юридической профессии направлено на формирование в человеке таких качеств, которые позволяют ему решать важные вопросы от имени буквы закона. Рисуя образы служителей закона, Т. Драйзер делает подробный акцент на их внешнем виде, манерах, одежде, пользуясь при этом оценочными сравнениями, метафорами, метонимией и другими средствами, позволяющими формировать у читателя необходимое впечатление и, тем самым, отношение. В текстах романов автор подробно затрагивает положительные и отрицательные черты, например, стремление, игнорируя других, продвинуться по службе, неумеренное желание владения или потребления, стремление к личной выгоде, наживе, неспособность к состраданию, изворотливость, трудно соотносимые с понятиями высокой общечеловеческой морали и нравственности, добродетели. На страницах его романов имеют место эксплицитные и имплицитные сравнения юристов с животными или предметами, колоритно отражающие отношение автора к описываемым героям. В речевой коммуникации отрицательные представители Фемиды, намереваясь изменить психологическое состояние человека, его мышление, мнение или решение, пользуются в романах многими методами воздействия на человека, в том числе запугиванием, ложью, психологическим воздействием, жестким речевым поведением и другими. Особый акцент в текстах романов писатель делает на своеобразии их речи, которая пестрит обилием эвфемизмов, паремий, лексических и синтаксических повторов, реализуемых в виде риторических фигур и направленных на более экспрессивное воздействие на подсудимых или клиентов.

Примечания:

1. Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого) / И. В. Артюшков. – М.: МПГУ, 2003. – 347 с.

2. Виноградов В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы. М., 1980. М.: Наука, 1980. – 360 с.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия // Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Эдиториал, М., 1997. – 703 с.

4. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей: учеб. пособие / М.Р. Битянова. – М.: Изд-во Эскимо–Пресс, 2001. – 576 с.

5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст]: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

6. Вяхирева А.С. Манипуляционные лингвистические приемы в рекламном тексте. // Коммуникации цифрового общества: Взгляды молодых исследователей. Сб. студ. статей. Нижний Новгород, 2021. – С. 17–20.

7. Филимонова Б.П. Языковая личность спортивного комментатора в дискурсивном пространстве СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2017. Вып. 1 (192) С. 115–119.

References:

1. Artyushkov I.V. Inner speech and its representation in fiction (based on the novels of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy). Moscow: MPSU, 2003. 347 pp.

2. Vinogradov V.V. Selected works: On the language of fiction. M., 1980. M.: Nauka, 1980. 360 pp.

3. KaraulovYu.N. Russian language. Encyclopedia // editor-in-chief is Yu.N. Karaulov. M.: Drofa, M., 1997. 703 pp.

4. Bityanova M.R. Social psychology: science, practice and way of thinking: a manual. M.: EKSMO-Press, 2001. 576 pp.

5. Chernyavskaya V.E. The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence: a manual. M.: Flinta: Nauka, 2006. 136 pp.

6. Vyakhireva A.S. Linguistic means of manipulation in the advertising text // Communi-cations of the digital society: views of young researchers: coll. of students' articles. Nizhny Novgorod, 2021. P. 17–20.

7. Filimonova B.P. Language personality of the sportscaster in discourse space of mass media // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2017. Iss. 1 (192). P. 115–119.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 20.09.2022.
The paper was submitted 24.07.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 20.09.2022.

© Ю. П. Нечай, Н.О. Линке, 2022